

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ МОДУСОМ*

Аннотация. Статья посвящена формам выражения субъективно-модальных значений в структуре сложноподчиненного предложения с изъяснительными отношениями. Анализируются структура и семантика модусной части, а также взаимодействие модусного и диктумного компонентов в указанном типе конструкций.

Ключевые слова: субъективная модальность, модус, диктум, вводный компонент.

Источник любого высказывания находится не внутри, а вне говорящей личности, в сфере социального окружения. Сложноподчиненные предложения с эксплицитным модусом характеризуются внутренней диалогичностью, апеллируют к модусу. Субъективно-модальное отношение, выраженное в таких контекстах вводно-модальным словом в позиции предиката, стимулирует реакцию адресата речи на истинность сообщения: говорящий заинтересован в том, чтобы узнать точку зрения своего собеседника – диалогического партнера, а возможно, и антагониста. В структуре сложноподчиненного предложения субъективная модальность находит особое выражение, что связано с характером семантических отношений между его частями: «Сложноподчиненное предложение представляет собой смысловое и формальное единство, в котором внутренняя зависимость предикативных частей создается прежде всего смысловым взаимодействием этих частей», такая «внутренняя семантическая соотнесенность предикативных частей находит свое внешнее грамматическое выражение в морфологических, лексических и конструктивных показателях» [1, с. 106]. Специфическим средством выражения субъективно-модальных значений в сложноподчиненном предложении являются вводные компоненты (а также глагол или его формы, девербативы, описательные глагольно-именные обороты, глагольные фразеологизмы) с модально-оценочной семантикой, функционирующие в роли изъяснительных слов в главной части сложноподчиненных изъяснительных предложений. Названные модификаторы становятся важным строевым элементом общей синтакси-

ческой структуры предложения, участвуя в построении смысловых отношений между частями, главная из которых эквивалентна модусному, а придаточная – диктумному компоненту. По сути, контактное слово является в данном случае «метасловом», которое, с одной стороны, не теряет своей полноты и статуса члена предложения, а с другой – сближается по функции со служебными словами, являясь формальным показателем определенного субъективно-модального смысла, в частности:

1) предположения: *Не видеть их совсем было нельзя: они явно заявляли себя, говорили громко, смеялись. Можно было предположить, что между ними многие и хмельные, хотя на вид некоторые были во франтовских и изящных костюмах...* (Ф. Достоевский); *И, вероятно, предположив, что страшный Дергач только что совершил кровавую расправу над каким-либо путником, все трое, не дожидаясь, пока и их постигнет та же участь, в панике бросились бежать, преследуемые издевательским свистом Дергача* (А. Гайдар); *Я с ним горячо согласился и высказал предположение, что ему, пожалуй, пора уже на пенсию, а меня надо в три шеи гнать из института грузить лес, потому что ни на что другое я не годен* (братья Стругацкие);

2) кажимости: *Чичиков взглянул и увидел точно, что на нем [Ноздрева] не было ни цепочки, ни часов. Ему даже показалось, что и один бакенбард был у него меньше и не так густ, как другой* (Н. Гоголь); *Сердце его [Серебряного] разрывалось от этого звона, но он стал прислушиваться к нему с любовью, как будто в нем звучало последнее прощание Елены, и когда мерные удары, сливаясь в дальний гул, замерли наконец в вечернем воздухе, ему показалось, что все родное оторвалось от его жизни и со всех сторон охватило его душу холодное, безнадежное одиночество* (А. Толстой);

3) сомнения: *Сомневаюсь, чтобы кто-либо из читающих эту страницу не согласился бы с тем, что левый рисунок («надпись») несравненно четче и легче расчленяется на элементы, нежели правый* (Л. Успенский); *Копье графа сломалось о шлем противника. И осколок копья сильно повредил глаз фран-*

* © Топтыгина Е.Н.

цузского короля. Что это – несчастный случай, каких немало случалось на турнирах?... **Боюсь**, что историкам так и не удастся дать точный, объективный и убедительный ответ на эти вопросы (ж. Литературная учеба);

4) допущения: **Допустим** на миг, что население той узкой средиземноморской полосы суши плюс кусочек острова, поросшего кипарисовыми рощами и уже тогда изрытого дудками медных рудников, было (что невозможно) лишь в два с половиной раза меньше населения Люксембурга... Получится – около ста двадцати тысяч финикийцев могли жить на этом лоскутке горячей, накаленной земли (Л. Успенский); **Допустимо**, что Нострадамус критически переосмыслил Пифагора через учение монаха Иоахима Флорского, для которого история человечества – это бесконечные ряды апокалипсических процессов, проходящих сквозь циклы закономерностей, ритмически повторяющих друг друга (ж. Литературная учеба);

5) упования: ... тем не менее, они [опасения] кажутся нам совершенно напрасными, и мы **надеемся**, что они скоро рассеются; мы даже **уверены** в этом... (Ю. Самарин); «Это дело иное, – так же просто сказали Сверчок, – это все может быть, а почитал он меня не меньше отца, дай бог, чтобы твои так-то тебя почитали...» (И. Бунин);

6) подчеркнутой уверенности: **И** здесь опять **несомненно**, что нигилизм осуждается верою; жаль только, что мы вспомнили об ней поздно, с перепугу... (Ю. Самарин); **И нет сомнения**, что, ощутив этот огненный удар, рикша колесом перевернулся на скамье, и коробка полетела от него в сторону (И. Бунин); Доктор, избегая глядеть ему [Байгузину] в глаза, с выражением брезгливого ужаса на лице выслушал сердце и пульс и пожал в недоумении плечами. Он не заметил даже малейших следов обычного в этих случаях волнения. **Очевидно было**, что или Байгузин не понимал того, что с ним хотят делать, или его темный мозг и крепкие нервы не могли проникнуться ни стыдом, ни трусостью (А. Куприн); **Не подлежит сомнению**, что часть психических черт каждого человека унаследована им от его предков, а другая часть – **благоприобретена** (Н. Трубецкой);

7) опасения: Альбом **делается** посредником между читателем и «упрощенной» литературой, чувством, музыкой, но как **какая-то переходная ступень** он нужен, полезен, совершенно необходим и **не дай Бог**, чтобы в моем лице вы увидели или услышали

отрицателя его (Аргументы недели); **Боясь**, что ее отравят, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку – и та без отказа перепробовала их все подряд (И. Бунин); теперь караулить друг друга надо, – сказал он. – Я уже давно возле тебя сижу. Теперь прилягу маленько, а ты посторожи. **Неравно**, как пойдет кто. Да смотри не засни тоже! (А. Гайдар).

8) догадки: Я догадываюсь, чем может Россия увлечь, скажем, немца или американца. Прежде всего – необычный строй мыслей, **незнакомая в других странах философия среднего человека** (Комсомольская правда);

Особую группу составляют изъяснительные конструкции со значением эмоциональной оценки: **Трагично**, что все эти произведения получили полагающиеся им большие тиражи так поздно. **Печально**, что в течение долгого периода редакторы и издатели не отмечали, что напечатанное произведение раньше было опубликовано на Западе. **Досадно**, что одно время практиковались даже цензурные купюры (например, у Набокова) (ж. Литературная учеба); **Да, неудивительно**, что буквы в глазах наших давних предков казались чем-то не в пример более твердым и определенным, чем такая «воздушная субстанция», как звуки речи. Это понятно (Л. Успенский) и др. Очевидно, позиция таких высказываний фиксируется в зоне пересечения оценочного и модального полей, а сами предложения могут быть трансформированы «в структуры со значением эмоциональной достоверности положительного или отрицательного значения» [2, с. 41].

Своеобразие сложных изъяснительных конструкций с эксплицитным модусом было отмечено рядом исследователей (Е.П. Седун, Н.С. Поспеловым и др.), которые характеризовали главную часть таких построений как субъективный зачин, модальный комментарий к предложению, модальную оправу придаточной части. В таких сложных предложениях главная часть эквивалентна вводно-модальному слову, что позволяет говорить о функциональной синтаксической синонимии сложноподчиненных изъяснительных конструкций и простых предложений с вводно-модальным словом: «В сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным – предложении нерасчлененной структуры – придаточная часть служит распространителем какого-либо члена, обычно сказуемого главной части, характеризующегося структурной и смысловой неполнозначностью. Изъяснительная придаточная часть

такого предложения представляет собой описательную замену отсутствующего компонента главной части, и сложноподчиненное предложение в целом предстает, таким образом, как явление, переходное от простого предложения к сложному» [3, с. 92].

В то же время в сравнении с простыми предложениями, где субъективная модальность выражена вводным компонентом, экспликация субъективно-модальных значений в сложноподчиненных конструкциях изъяснительных имеет ряд особенностей. Эксплицитный модус «переносит центр тяжести на постулируемое говорящим отношение высказывания к действительности» [4, с. 106], в силу чего субъективно-модальный смысл реализуется здесь чаще не в чистом, а в осложненном, обогащенном виде. В таких случаях мы имеем дело с более богатым спектром модальных модификаций, причем тот или иной субъективно-модальный смысл «является семантическим фоном, который создает в зависимости от лексической наполненности субъекта и объекта действия те или иные модусные характеристики, возникающие в тексте под влиянием целевой установки автора, личности автора, особенностей его мировосприятия, деонтической картины мира, психики и т. д.» [5, с. 347]. В этом случае на него наслаиваются дополнительные значения, например, модальные:

1) возможности/невозможности: ... *Всматриваясь в резкие черты его лица, не совсем уничтожившиеся в мясных дополнениях, можно было предполагать, что жизнь задавила в нем не одну возможность* (А. Герцен); *Может показаться, что учение о карме морально, что оно является стимулом добродетельной жизни. Это, однако, не совсем так* (Н. Трубецкой); *Ах, боже мой, какие интересные новости я узнаю от вас! Я бы никак не могла предполагать, чтобы и Ноздрев был замешан в эту историю!* (Н. Гоголь); *Вчера можно было еще допустить, что Пушкин страдал странной болезнью – «эф-фобией». Сегодня обнаружилось, что и прочие поэты первой половины XIX века были заражены ею...* (Л. Успенский); *Можно догадываться, какой успех имел бы на Западе этот выдающийся мастер в годы расцвета, когда был едва ли не ведущим ксилографом мира* (ж. Юный художник);

2) необходимости: *Надо предположить, что такое впечатление внезапного ужаса, сопряженного со всеми другими страшными впечатлениями той минуты вдруг оцепенили Рогожина на месте и тем спасли князя*

от неизбежного удара ножом, на него уже падавшего (Ф. Достоевский); *Не надо думать, не надо предполагать, что скажешь. Всегда гораздо лучше выходит, когда это делается сразу* (А. Куприн); *Надо надеяться, что они [мемуарные тексты] помогут восстановлению реального облика полководца, освещающую малоизвестные эпизоды его биографии, характерные черты его личности, нравственного склада и житейского поведения* (ж. Родина);

3) вынужденности: *Оставалось предположить, что сонная и странная личность улетела из дому, как птица, не оставив по себе никакого следа* (М. Булгаков); *Есть основания полагать, что изобретатели кириллицы и позаимствовали знак для славянского Ш из этого источника. Иначе нам придется предположить, подобно милой девочке Теффимай Металлумай из сказки Киплинга «Как была составлена первая азбука», что наши предки взяли за оригинал для этой буквы «эти противные жерди для просушки звериных шкур!»* (Л. Успенский); *Гаррис говорил Потемкину: «Весьма жаль видеть вашу светлость в настроении, заставляющем предполагать, что случилось для вас неприятное»* (В. Пикуль); *Если бы поверить Ренате, то пришлось бы допустить, что роль стучащих духов играла она сама, чтобы заманить меня в область демономантии...* (В. Брюсов);

4) желательности: *Смеем надеяться, что сегодня мы стали мудрее и прислушаемся к предостережениям русского философа, похороненного все-таки на русской земле* (ж. Родина);

5) целесообразности: *И если последнее присутствует, мы вправе предположить, что условия, по мнению говорящего, не вполне соответствуют тому, чтобы он мог нивелировать это средство за ненадобностью и локализовать высказывание на полюсе достоверности* (И. Нагорный);

- а также фазисные начала/конца действия: *И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности* (Н. Бердяев); *Временами Боброву начинало казаться, что он мчится по какому-то крутому кособору и вот-вот вместе с экипажем и лошадьми полетит с отвесной кручи в глубокую пропасть* (А. Куприн).

В некоторых случаях в роли осложнителя субъективно-модального смысла выступает эмоционально-оценочный оператор, и тогда придаточная часть окрашивается не

только определенной модальной, но и эмоциональной тональностью, т. е. представленная в ней пропозиция оценивается говорящим не только в аспекте достоверности/недостоверности, но и в эмоциональном ключе. Примечательно, что и позиция высказывания на шкале достоверности в зависимости от характера эмоциональной оценки может меняться: к полюсу акцентированной уверенности смещаются предложения положительной эмоционально-оценочной тональности: **Уместно предположить, что за всеми перечисленными метаязыковыми понятиями кроется определенная система, типология отношений, с которой нужно уметь обращаться и которой следует руководствоваться в любом типе лингвистических или лингводидактических исследований** (В. Химик); **Разумно предположить, что все частицы, испытывающие сильные взаимодействия, таких же размеров** (В. Черногорова); **Логично предположить, что каждая электронная восьмерка-орбиталь перекрывается одинаково и одновременно с такими же восьмерками двух соседей** (Г. Шульпин). В других случаях наличие эмоционального оператора ослабляет предположение говорящего, делает его менее обоснованным, так что содержание придаточной части выглядит менее достоверно: **Ведь ни один общественный переворот не проходит без потрясений. Наивно предполагать, что имущие классы отдадут позиции без боя** (Ю. Трифонов). Сказанное подтверждает, что субъективно-модальное и эмоционально-оценочное поля пересекаются, а в нашем случае наличие добавочного эмотивного смысла корректирует характер субъективно-модальной оценки, а значит, и положение пропозиции на модальной шкале, другими словами «семантическое поле эмоций манифестирует не только субъективно-модальные значения, но и объективно-модальные», а сами отношения «семантического поля эмоций и субъективной модальности складываются не по типу включения, а по типу семантического пересечения» [6, с. 127].

На характер субъективно-модальных отношений в сложноподчиненном изъяснительном предложении способны влиять и некоторые распространители, обычно наречия с семантикой степени, распространяющие предикат главной части, неопределенно-количественные слова. Наличие таких распространителей способно сдвигать пропозицию как к полюсу достоверности, подчеркивая высокую степень реализации события: **Но вот ведь какая вещь: брюки у меня на пуго-**

вице, галстуков я не ношу, а во всем заводоуправлении паршивой бечевочки не нашлось. Между прочим я делаю из этого следующий вывод: очень может быть, что мне суждено именно утонуть (В. Пьецух); **Дома, на досуге, просмотрите эти бумаги. Вполне вероятно, что вы встретите что-нибудь для себя неожиданное** (П. Проскурин); **Весьма возможно, что в этот период весь центр большевистской фракции, поскольку он был как-то закреплён организационно, состоял из одной этой «тройки»** (ж. Родина); **Организуйте массовую проверку действия магнитных полей на растения. Более чем вероятно, что кому-то из вас удастся получить интересные результаты** (И. Эльшанский);

- так и к полюсу недостоверности, указывая на ее маловероятный характер: **...еще менее предполагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ее могли предписывать свое толкование другим** (А. Хомяков); **Но крайне маловероятно, чтоб можно было в одной явной бессмыслице отыскать скрытую вторую бессмыслицу при помощи логических рассуждений. Грамматические «апофегмы» возникли не «когда-то», а именно его [Грамматика] трудами и в начале XIX века. Пушкин же, со своим «абсолютным слухом» художником слова, уловил фальшь и мягко упрекнул ее автора** (Л. Успенский).

Богатство модификаций субъективно-модальных смыслов обусловлено также структурным разнообразием сложных предложений с эксплицитным модусом, который может иметь форму как двусоставного предложения: **Мог ли он [дедушка] предположить, что роняет в чашу именно ту каплю, которая переполнит ее?** (И. Бунин); **Может быть, всего более похоже на истину допущение, что слово «ферт» за отсутствием славянских слов, начинающихся на этот звук, было выдуманно, как говорится, ad hoc – именно для этого случая и чисто звукоподражательно** (Л. Успенский), так и односоставного, например:

1 безличного:

- спрягаемо-глагольного подтипа: **Предполагается, что все существующее в мире непременно заключает в себе частицу этого Брахмы, вне которого никакого бытия нет** (Н. Трубецкой); **Мне почудилось, что он хочет еще что-то прибавить, очень важное для меня и неприятное, мне показалось даже, что по лицу его скользнуло беглое выражение злой насмешки** (А. Куприн);

- спрягаемо-инфинитивного подтипа: **Однако в те времена переписчики начали**

букву К вырисовывать, как бы разбивая ее на два элемента... Многим стало казаться, что, значит, буква К так и состоит из двух знаков (Л. Успенский);

• связочно-именного подтипа: ... И как бы получалось, что он и не Акакий вовсе, а вполне возможно, что и есть тот самый юноша, ради которого пошла на подвиг Сю-имбека (Е. Попов); Очень вероятно было, что он (Мармеладов) пять дней не раздевался и не умывался (Ф. Достоевский);

• связочно-модально-инфинитивного подтипа: Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная... (Н. Гоголь); Можно было думать, что именно Коновалов, а не Фролка – родной брат Разину. Казалось, что какие-то узы крови, неразрывные, не остывшие за три столетия, до сей поры связывают этого босяка со Стенькой... (М. Горький);

2) безлично-инфинитивного предложения: Прежние заключения и догадки совсем были сбиты с толку. Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь к Чичикову; однако ж все... вспомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле есть Чичиков, что он сам весьма неясно отзывался насчет собственного лица... (Н. Гоголь); Как будто нельзя было и предположить, что некоторым не суждено вернуться по этой дороге! (Л. Толстой);

3) инфинитивного предложения: Во-первых, совсем не затем орел мышей ловит, чтобы их прощать. Во-вторых, ежели и допустить, что орел «простил» мышь, то, право, было бы гораздо лучше, если б он совсем ею не интересовался (М. Салтыков-Щедрин);

4) определенно-личного предложения: Смеем надеяться, что сегодня мы стали мудрее и прислушаемся к предостережениям русского философа, похороненного все-таки на русской земле (ж. Литературная учеба); Допустим, что мы увиделись с человеком, которому хотели выразить сочувствие... (В. Капинос, Н. Сергеева, М. Соловейчик); Допустите, что соль состоит из мельчайших, невидимых глазом частичек. Тогда, попадая в воду, соль распадается на частички, которые расходятся между частичками воды, и соль растворяется (Ф. Никулин);

5) назывного предложения: Судя по тому, что рассказывает Горький, мало вероятно, чтобы так же в свое время могла удивить Изота-ребенка способность человека узнавать мысли собеседника через зву-

чащее слово. Она казалась ему простой и естественной, как дыхание, как зрение (Л. Успенский).

В зависимости от типа конструкции различна и субъектная валентность модуса: в определенно-личных и двусоставных предложениях он представлен как определенный и может как совпадать, так и не совпадать с субъектом речи; в безличных, безлично-инфинитивных, инфинитивных предложениях лишенный определенности субъект могут уточнять только косвенные показатели.

Не менее разнообразно и лексическое выражение модусной части, в которой контактное слово может являться:

1) специализированным субъективно-модальным модификатором – вводно-модальным словом (способность отдельных вводно-модальных компонентов выступать в предикатной функции, их изменяемость/неизменяемость в данной функции может служить основанием для определения степени их модализации; не все вводно-модальные слова имеют соответствующий предикат, что связано с наличием/отсутствием у них семантики восприятия, состояния или оценки, наличием/отсутствием в современном русском языке коррелятивного глагола и девербатива – все это вопросы, нуждающиеся в особом рассмотрении): Во-первых, о чем говорит традиционное для Федора Кузьмича обращение «панок»?... Вполне вероятно, что Федор Кузьмич или жил на территории, где было сильно влияние польского населения, или долгое время общался с поляками (ж. Родина); Картина написана с удивительной энергией, с поразительным ритмом. Несомненно, что такой подъем говорит о возрождении... (ж. Юный художник); Почему знать? – если бы Олеся глубоко веровала, строго блюла посты и не пропускала ни одного церковного служения, – весьма возможно, что тогда я стал бы иронизировать... над ее религиозностью и развивать в ней критическую пытливость ума (А. Куприн); Она сирота; матери у ней нету, да и неизвестно, кто ее мать-то была. Ну, а должно быть, что сродственница: больно на него смахивает (И. Тургенев);

2) глаголом, глагольной формой – причастием или деепричастием, девербативом с субъективно-модальной семантикой: Я боюсь ошибиться, но мне кажется, что, если бы я предложил Талимону принимать скипидар на воде, я бы рисковал потерять навсегда единственного своего пациента (А. Куприн); Но это ничуть не мешало ему [Захару] надеяться, что еще будет нынче что-то

необыкновенное (И. Бунин); **Предполагая**, что Серебряный должен презирать его, он [Басманов], даже исполняя долг гостеприимства, придумывал заранее, как бы отомстить гостю, если тот, неравно, выкажет свое презрение (А. Толстой); **Боясь**, что ее отравят, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку – и та без отказа перепробовала их все подряд (И. Бунин); **Вопросов управления** он [Хомяков] не касается вовсе, как подчиненных началам любви и свободы, **предполагая**, что принятые Церковью правила и законы уважаются всеми ее чадами (ж. Литературная учеба); **И нет сомнения**, что, ощутив этот огненный удар, рикша колесом перевернулся на скамье, и коробка полетела от него в сторону (И. Бунин); **Нет никакого сомнения**, что русская литература и вообще вся духовная жизнь в России в конце 80-х и начале 90-х годов стоит под знаком большого перелома (ж. Родина); **Может быть**, всего более похоже на истину **допущение**, что слово «ферт» за отсутствием славянских слов, начинающихся на этот звук, было выдуманно, как говорится, *ad hoc* – именно для этого случая и чисто звукоподражательно (Л. Успенский);

3) периферийными модальными модификаторами – описательными глагольно-именными оборотами или фразеологизмами, в том числе глагольными: **В противность** смуте XVII века – **не может подлежать сомнению**, что управительная система современной государственности не может быть восстановлена (ж. Родина); **Впрочем, я не даю гарантии**, что слово «альфabetос» действительно существовало уже в самой Греции: во многих отличных словарях классического греческого языка слова этого не было; не исключено, что его придумали уже наследники эллинской культуры; такое бывало (Л. Успенский); **Есть доля правды и в том**, что «Центурии» напоминают лекции по философии истории, обращенной к будущим временам (Лит. Учеба); **Не подлежит сомнению**, что часть психических черт каждого человека унаследована им от его предков, а другая часть – **благоприобретена** (Н. Трубецкой); **Что касается до конечного результата, то само собою разумеется**, что Православие не пошатнулось, но это была заслуга не школы... (А. Хомяков);

4) лексическими единицами со значением речи, мысли, восприятия, развивающими субъективно-модальную семантику в условиях контекста: например, предположительную: **По загоревшему лицу его** [Ноздрева]

можно было заключить, что он знал, что такое дым, если не пороховой, то по крайней мере табачный (Н. Гоголь); кажимости: **Иногда складывается такое впечатление**, что самостоятельное мышление и стремление к независимым формулировкам прорвалось после семидесятилетнего подавления, подобно долго молчавшему и теперь взорвавшемуся вулкану (Известия); **В творчестве Нострадамуса есть, на мой взгляд, одно замечательное и неоспоримое достоинство**: **вдумчивый и пытливый читатель** «Центурий» и минувшее и будущее воспринимает как настоящее. **Создается иллюзия**, что читатель становится пассажиром машины времени, управляемой самим Нострадамусом (ж. Литературная учеба); уступительного допущения: **Не ручаюсь**, что обе эти тайны – биологическая и филологическая – навсегда останутся нераскрытыми, но сегодня я лично ответа по ним дать вам не берусь (Л. Успенский); **Не спорим**, что значительную долю вины специалисты имели бы полное основание свалить на других, указав на множество неблагоприятных обстоятельств, которых они не в состоянии были ни предупредить, ни устранить; **все это мы готовы допустить ...** (Ю. Самарин); допущения-предположения: **Если признать**, что высшим земным идеалом человека является полное и совершенное самопознание, то придется признать, что только культура, которая может такому самопознанию способствовать, и есть истинная (Н. Трубецкой) и др.

Следует подчеркнуть, что сложноподчиненное изъяснительное предложение представляет собой специализированную модель реализации субъективно-модальных значений высказывания. Главная часть сложноподчиненных предложений изъяснительных, не утрачивая собственного модального значения, выполняет модально-оценочную функцию и, благодаря смысловому контакту с придаточной частью, обогащает ее модальный план. В таких моделях вводное слово получает новый аспект предикативности и возможность сочетаться на уровне предикативных частей сложного предложения, т. е. становится самостоятельным предложением. При наличии союзной связи субъективно-модальные значения синтаксических единиц не только не утрачиваются, но становятся более полновесными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Павлюченкова Н.Ф. Развитие семантической структуры сложноподчиненных предложений // Семантика грамматических форм и речевых кон-

- струкций. – М., 1991.
- 2 Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. – Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1996.
- 3 Горельникова Ю.А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993.
- 4 Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. – М., 1988.
- 5 Семенова Н.А. Модальность фразеологических единиц в языке и тексте // Структура и семантика художественного текста. – М., 1999.
- 6 Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.

E. Toptygina
THE COMPOUND SENTENCE WITH
MARKED MODUS

Abstract. The subject of the article is the subjective-modal meaning of compound sentence with marked modus. The forms and meanings of modus part are shown. Interaction of modus part and dictum part of compound sentence is examined.

Key words: subjective modality, modus, dictum, introductory component.

УДК 81'276

Шейна И.М.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА *

Аннотация. В статье рассматривается ключевое понятие современных лингвистических исследований — лексико-семантическое поле. Автор анализирует существующие в науке точки зрения относительно связей этого понятия и языковой картины мира с теоретической и психолингвистической позиций.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, семантическая корреляция, концепт, Московская семантическая школа.

Исследование лексико-семантических полей (далее: ЛСП) важно для выявления лингвистических основ межкультурной коммуникации, так как поле является главной структурой, организующей тезаурус языка. Прежде чем преобразовать свою мысль в речь, человек составляет программу своего высказывания. Это дает основания предполагать, что речевые акты, требующие даже минимального творческого усилия, приводят к оперированию не словами, а семантическими полями, из состава которых человек подбирает нужное слово (см. [4]).

Ю.Н. Караулов в книге «Общая и русская идеография» рассматривает существующие определения поля (словесного, семантического, лексико-семантического) и дает их классификацию [5]. Его анализ показывает, что поле рассматривается как определенный уровень в системе языка, обладающий своими свойствами и принципами организации. При этом поле также трактуется как способ

сегментации лексико-семантического континуума, а с другой стороны, как способ членения определенной сферы опыта (см. [7, с. 11]). Для нашего исследования наиболее важными представляются следующие положения:

- при употреблении единицы языка в сознании для его понимания активизируются его другие единицы: слово, например, понимается в контексте семантического окружения;
- ЛСП полностью воспроизводит понятийную картину данной языковой общности;
- поле обеспечивает непрерывность семантического пространства;
- природа связей между единицами поля различна;
- состав и структура полей в разных языках имеет свою специфику [5].

В этих положениях содержатся предпосылки для использования ЛСП с целью проникновения в концептуальную картину мира и выявления ее национально-культурной специфики. Однако, как нам кажется, следует более подробно рассмотреть три важнейшие характеристики поля, которые указывают на возможность использования поля не только в качестве объекта теоретического изучения, но и метода исследования, а именно:

- универсальный характер полевой организации единиц;
- психологическую реальность этого способа организации;
- голографичность структуры поля (то есть способность проявлять все свои свойства

* © Шейна И.М.